

1.

Федя Ярцев похлопал по кабине ладонью, прокричал что-то напутственное—биомаска, скрывающая нижнюю часть его лица, забавно подергалась, но сквозь фонарь кабины до Комина донеслось лишь невнятное бормотание, и он, пожав плечами, ткнул пальцем в ухо: не слышу, мол. Ярцев махнул рукой, отошел в глубь грузового люка. Завидует, подумал Комин.

Комин плавно оторвал реоплан от взлетной площадки и пошел вверх, описывая пологую спираль вокруг тусклой громады «Атланта». Он с наслаждением ощущал послушность машины и, чтобы усилить удовольствие, без нужды покачивал крыльями, заставляя реоплан немного рыскать по курсу. Хотя это была первая рекогносцировка на незнакомой планете, и от нее многое ожидалось, но в первые минуты пьянящая радость полета заглушила все иные чувства. После томительного однообразия космического рейса, надоевшей строгости режима, нудных ежедневных занятий на тренажере было особенно приятно вслушиваться в негромкий гул двигателей, видеть бездонное светлосинее, совсем земное небо, лишь у горизонта замутненное сиреновой дымкой, жмуриться от бьющих в стекла кабины ярких горячих солнечных лучей.

Со вчерашнего дня погода разительно изменилась: исчезли мрачные лохматые, липнущие к звездолету тучи, прячущие местность в густой сетке дождя. Сейчас под реопланом

расстиралось умытое дождем плоскогорье. Контрастное утреннее освещение подчеркивало его рельеф. Гряды невысоких по сравнению с «Атлантом» гор пересекали его почти точно с юга на север. Кое-где на их вершинах и склонах торчали причудливо изъеденные эрозией скальные останцы, отбрасывающие длинные изломанные тени.

Комин проверил связь — все было в норме, включил съемочную аппаратуру, снизился до двухсот метров и повел реоплан широкими зигзагами, скатываясь к затененным ущельям, легко переваливая через горные цепи. Не полагаясь на приборы, он зорко оглядывал местность, боясь пропустить малейшие детали, время от времени коротко докладывая по радио об увиденном.

Планета, судя по всему, была обитаема, и Комин в общем-то приготовился к встрече со здешней жизнью. К сожалению, он не имел ни малейшего представления о том, как она может выглядеть. Тем не менее он был совершенно убежден, что не вернется с пустыми руками.

Комину часто везло в жизни. Пожалуй, даже слишком часто.

«Какое-то аномальное везение»,— выразился однажды по атому поводу один из его друзей, работавший вместе с ним на Байкальском летно-испытательном полигоне. Сознание собственной удачливости в немалой степени придавало Комину уверенность в себе, позволяя идти на самые сложные полеты без внутренней напряженности, присущей многим испытателям. Правда, в полете он вел себя крайне осторожно и осмотрительно, и это часто выручало его в трудных ситуациях.

Незаметно бежали минуты, а ничего не менялось: все те же ущелья, горы, прокаленные солнцем, без всяких признаков растительности. Глаза у Комина начали слезиться от напряжения, надежда на встречу с чужой жизнью не то чтобы исчезла, но как-то потускнела, поблекла, утратила первоначальную

остроту. Зато с каждой минутой крепла радостная уверенность во власти над машиной, и, проверяя полноту этой власти, он иногда рискованно круто разворачивался, с трудом удерживая желание выполнить несколько пилотажных фигур.

Плоскогорье тянулось па запад километров тридцать, затем несколькими громадными ступенями спускалось почти на две тысячи метров, охватывая широкой дугой гладкую зеленовато-желтую равнину. Судя по цвету, на равнине был травяной покров, о чем Комин и сообщил Юшко.

Однообразная равнина легко просматривалась, можно было увеличить скорость. Горы постепенно расступились, уходили назад. Равнина расширялась, заполняя все видимое пространство. Справа, впереди реоплана, скользила по поверхности забавно искаженная тень. Задержав на ней взгляд, Комин мельком подумал, что тень похожа на полураскрытые ножницы, а вдруг с удивлением заметил, что от края тени как будто оторвался кусок, отставая, ушел влево и исчез, слившись с желтизной поверхности. Он машинально глянул на левую плоскость, оканчивающуюся сферической гондолой двигателя, и в то же мгновение, охваченный короткой нервной дрожью, понял, что вот она — встреча. Торжествуя вскрикнув, он так резко затормозил, что с трудом удержал от падения вставшую на дыбы машину.

«Что случилось, Сеня??» — прозвучал голос Юшко.

Комин, не отвечая, шел бредущим полетом, лихорадочно обшаривая глазами землю. Внезапно перед самым носом реоплана, отчаянно махая крыльями, взлетело несколько крупных птиц. Комин едва успел разглядеть широкие крылья, большую плоскую голову на плоской шее, как птицы неожиданно повернули навстречу. Он рванул машину вверх, пытаясь избежать столкновения, но не успел: почувствовал слабый толчок, и реоплан, заваливаясь на крыло, резко пошел в сторону. Комин

выругался.

«Да в чем дело, Сеня Комин!» — оглушительно кричал динамик. Отвечать было некогда: до земли оставалось меньше двадцати метров. Как всегда в минуту опасности, реакция Комина была мгновенной и безошибочной: у самой земли он выровнял потерявшую скорость, почти неуправляемую машину. Успокаиваясь, он смахнул со лба пот и бодро сказал: «Ну, все в порядке. Маленькая аварийка. Сейчас сяду...»

И не договорил: реоплан слегка встряхнуло, послышался странный хруст, и машина, опрокидываясь, провалилась куда-то. Солнце, ослепляюще ударив в лобовое стекло, исчезло. Автоматическим движением Комин успел разомкнуть цепь питания. Секунды падения слились в нескончаемую карусель. Тяжелый удар, завершивший падение, вышвырнул его из кабины.

2.

Комин был оглушен, но сознания не потерял. «Скапотировал», — подумал он, и мысль эта была настолько унижительна для него, испытателя, что он даже застонал от душевной боли, но сразу же понял абсурдность такого предположения: на реоплане нельзя было скапотировать. Все стало совсем

непонятным, и, собираясь с силами, Комин во всех деталях веню и ил последние секунды перед падением и подсадовал, что не смог увернуться от птиц. «Вниз нужно было, — подумал он, — вниз, и правый разворот...»

Вдруг он почувствовал, что ничего не видит — так, как если бы ослеп. Страшно, до холодного пота испугался. Медленно, преодолевая слабость и страх, потянулся к глазам и, чертыхнувшись, облегченно передохнул, обнаружив, что глаза всего лишь закрыты сползшей

биомаской. Он поправил маску, и неожиданность окружающего поразила его.

Вокруг был лес — колоннада мощных темно-фиолетовых, матово-блестящих стволов. Стволы вздымались на тридцатиметровую высоту и там оканчивались широкими многослойными зонтиками из радиально расходящихся ветвей, густо усеянных листьями. Тесно смыкающиеся зонтики соседних деревьев создавали сплошную крышу леса, принятую Коминым сверху за травяной покров. При падении реоплан сломал несколько ветвей, и в образовавшиеся просветы прямо над головой Комина в мягкий полусумрак леса врывались солнечные лучи. Вместе с ошеломлением и растерянностью Комин ощутил слабое удовлетворение. По крайней мере его профессиональная гордость не страдала: предвидеть такое было, конечно, невозможно. Кряхтя, он выбрался из густых зарослей кустов, спасших его от увечья, и, прихрамывая, пошел к реоплану.

Реоплан был безнадежно разбит. Согнутый фюзеляж лежал на боку, воткнувшись в землю обломком крыла. Разошедшаяся обшивка обнажила сломанные ребра каркаса, многоцветье электроводки, блестящие тяги рулей. «Какую машину загубил!» — с досадой и непонятно кому адресованной обидой подумал Комин. — Черт меня столкнул с этими треклятыми птицами!»

Торчавший из диффузора пучок полусгоревших перьев резал глаза своей неопрятностью, и Комин вытащил перья, зачем-то попытался стереть ими пятно с полированной поверхности двигателя и слегка обжегся о горячий еще металл.

Ожог отрезвил его. Он опустился на траву. Сжал руками голову. Постарался собраться с мыслями. Рация разбита, связи нет. Юшко, конечно, пошлет второй реоплан, но его же сверху не увидишь. Как бы Федя еще не вздумал сесть — он же не знает. ...Комин зябко передернул плечами. Нехорошо. Нужно что-то придумать. Просигнализировать ракетой? Сомнительно — сквозь ветви не

пробьется. А самому наверх не выбраться — это ясно... Спокойствие постепенно возвращалось к нему. Не первый раз он попадал в аварию. Бывало и хуже. Главное — сам он невредим. Сейчас прежде всего хорошенько подумать. И не спешить.

Разобрав обломки, Комин достал из кабины объемистый ранец с аварийным набором. Вытащил и разложил на траве содержимое: пакеты и тубы с концентратами, аптечку, пеленгационный компас, тяжелый лучевой пистолет, тугой сверток пневмопалатки, десяток патронов с сигнальными ракетами и еще множество предметов. Здесь, в лесу, кое-что вызывало недовольную улыбку, например, механические лыжи. Поистине аварийный набор был рассчитан на все случаи...

В настороженную тишину леса проник слабый посторонний звук. Комин вскинул голову, прислушался. Звук усиливался, становился отчетливее: над лесом шел реоплан. Комин схватил красный патрон, вскочив на ноги, тщательно прицелился в голубой просвет, повернул пусковое колесо. С негромким хлопком четыре ракеты накаляющимися угольками рванулись вверх, но запутались в лиственном заносе, потеряли силу и рухнули в траву, осветив лес рубиновым заревом. Тем же окончились вторая и третья попытки. Но с каждой неудачей в Комине росло злое упорство, и он повторял пуски до тех пор, пока не осталось всего два патрона, рисковать которыми он не решился. Негромкое жужжание невидимого реоплана то усиливалось, то ослабевало и, наконец, затихло совсем, потерявшись в шорохе листьев... Несколько минут Комин еще стоял неподвижно, надеясь вновь уловить звук двигателей, но тщетно. Реоплан, видимо, ушел.

И тогда с упрямством человека, привыкшего рассчитывать на свои силы, он решил, что нужно действовать самому. В самом деле, на что можно надеяться, оставаясь на месте? Засечь точку аварии локатором нельзя: мешают

горы. Пеленгатором, конечно, засекали, да при его точности участок поисков составит километров тридцать. Этак его неделю будут искать. Еще и машину могут угробить. А идти-то всего ничего: до гор километров сорок — дня два пути. Ну, еще день на подъем. А с плоскогорья дать ракету — увидят. Особенно, если ночью. Тут и спорить нечего. Конечно, идти! Лес чистый, ни завалов, ни кустов. Это не байкальская тайга...

3.

Лес жил своей жизнью. Сверху доносилось хриплое карканье, монотонное бормотанье, веселое пошвыстывание. Иногда в кружеве ветвей можно было заметить скользящие серые силуэты и мелькание крыльев. Большая желтая ящерица с петушиным гребнем на голове выскочила из-под самых ног, отбежала на несколько метров, приостановилась, вздернув голову и застыв в каменной неподвижности, и скрылась в траве. Какие-то насекомые, напоминающие или стрекоз, или кузнечиков, разлетались во все стороны, треща крыльями. Что-то мохнатое, длинноногое, совсем уж ни на что не

похожее, быстро взбиралось по стволу дерева.

Как-то сразу вдруг посветлело: листья деревьев свернулись в трубки, открыв дорогу лучам солнца, приближавшегося к зениту. Лес преобразился. Тысячи солнечных зайчиков заиграли на траве, кустах, стволах деревьев. Вместе с ними волна зноя хлынула в лес, и вся живность притихла, попряталась.

Комину стало жарко, да и усталость давала о себе знать. Он снял тяжелый ранец и улегся в тени кустов. По его подсчетам он отмахал уже километров десять. Идти было нетрудно — не мешали ни завалы, ни болота. Плотная трава удобно пружинила под ногами. Легко и свободно дышалось.

Но с каждым пройденным километром Комин все острее осознавал, что находится в чуждом, непонятном и неуютном для человека мире. И хотя он жадно улавливал в окружающем знакомые земные черты, сходство было лишь внешним, и в нем таилась опасность, потому что оно, скрывая истинную сущность вещей, подсказывало человеку действия, исходящие из его земного опыта и совершенно неприемлемого здесь. Человек здесь был непрощенным, не знающим законов и поэтому беспомощным, при всем своем оснащении, пришельцем, не умеющим отличить инертного и безбидного от активного и опасного. Эта истина с беспощадной очевидностью предстала перед Коминым уже в конце первого часа пути, когда прозрачайшая вода родника оказалась едкой, как кислота. Левая рука его, замотанная в антисептическую повязку, до сих пор горела, постоянно напоминая о полученном уроке. После этого случая он стал гораздо осторожнее, старался обойти стороной все маломальски подозрительное или непонятное. Пока что ему удавалось избегать каких бы то ни было неприятностей, непостоянное нервное напряжение утомляло сильнее, чем ходьба. И уж нет-нет да и появлялась робкая мысль, что он принял неверное решение, что нужно

было оставаться. На месте аварии, что товарищи нашли бы способ отыскать и выручить его. Комин отгонял эту мысль. Теперь она была только вредной...

Дорога ухудшилась. Все чаще приходилось обходить заросли колючих тонколистных кустов. Появились неглубокие овраги, заросшие высокой красно-бурой травой. Толстые мохнатые стебли вьющихся растений опутывали стволы, темными змеями извивались в траве. Солнце заметно склонялось к западу, листья деревьев, словно подчиняясь чьей-то команде, распустились. Лес вновь изменился — потерял живость красок, помрачнел. И сразу заставив Комина вздрогнуть, засвистали, закаркали, закричали, лесные птицы.

Широкий массив густого кустарника преградил путь. Приближаясь к нему, Комин уже прикидывал, откуда легче обойти его, как вдруг кусты затрещали, зашевелились, и из них тяжелым неуклюжим скоком выбралось большое странное существо. Встреча была неожиданной для обоих. И они одновременно остановились, разделенные едва десятью метрами. Комин с интересом и опаской, на всякий случай держась за пистолет, рассматривал животное. Грузное, мешкоподобное, лишенное шеи тело переходило вверх в остроконечную голову с широкой щелью пасти и тремя маленькими тусклыми глазками. Влажная безволосая кожа свисала на боках мягкими складками. Длинные задние лапы с двумя пальцами, связанными кожистой перепонкой, удерживали тяжесть тела. Передние прижатые к бокам лапы были малы и широки, напоминая недоразвитые ласты. Животное, смахивающее на гигантскую жабу, казалось безопасным, и Комин сделал шаг в сторону, собираясь уйти. В тот же миг существо дернулось вперед, разинуло огромную беззубую пасть и заверещало так пронзительно, что у Камина заболели уши. Отпрыгнув, он вскинул пистолет, но странное существо, как будто потеряв всякий к нему интерес, смолкло, отвернулось и вперевалку

заковыляло прочь.

Комин повесил пистолет на пояс, вытер влажные ладони о комбинезон.

Темнело. Все окружающее теряло четкость очертаний. Отдаленные кусты приобретали таинственные загадочные формы. Умолк гомон птиц. Время от времени откуда-то издалека доносились негромкий тоскливый вой, странное ритмичное лопотанье, резкие короткие вскрики, угрожающее глухое рычание. Сцепившиеся кроны деревьев огромным всевидящим пологом нависали над ним. Скрытый сгущающийся тьмой лес, казалось, неизмеримо увеличился, бесконечно простираясь во все стороны, и крохотная фигурка человека затерялась в этой чуждой, непостижимой, пугающей бесконечности. Где-то в непредставимой дали, на пределе достижимого, а может, и за этим пределом, существовали горы, звездолет, друзья... На какой-то момент Камин ощутил себя слабым и беззащитным, как цыпленок, застигнутый тенью коршуна. Противясь атому унижающему чувству, утверждая свою силу и гордость, он набрал полную грудь воздуха и закричал громко и протяжно: «Ого-го-го-о-о!» Крик умчался вдаль и вернулся обратно и, постепенно слабей, возвращался еще и еще, пока не заблудился окончательно в неведомых дебрях. И лес, притихнув, внимательно прислушался к незнакомому звуку.

«То-то!» — удовлетворенно выговорил Комин.

Темнота подступала все ближе. Влажный теплый воздух будто застыл в сонной неподвижности. Усталость сводила мышцы ног, тяжелым грузом наваливалась на плечи. Одежда неприятно липла к вспотевшему телу. Пора было устраиваться на ночлег, но подходящего места все не попадалось. Идти в темноте было опасно, он понимал это и шел совсем медленно, светя фонариком. И все же не уберется: пересекая заболоченную поляну, оступился и шлепнулся лицом в теплую липкую грязь. Биомаска сразу промокла, и резкий запах гниющих растений проник

в ноздри, вызвав дурноту и головокружение. Снимая бесполезную теперь маску, Комин с тягостным предчувствием беды подумал о мириадах чужих бактерий, врывающихся в незащитные легкие.

Продравшись напрямик через полосу кустарника, он вышел к небольшому ручью. Луч фонаря осветил на дне серый крупнозернистый песок с редкой разноцветной галькой. Обрадованный явной близостью гор, Комин решил здесь и заночевать: место было удобным. На всякий случай он понюхал воду, потом осторожно макнул в нее палец — вода была как вода. Он снял ранец, обмыл залепленный грязью комбинезон, развернул на сухом взгорке пневмопалатку; она со змеиным шипеньем надулась, поднялась гладким полосатым куполом. Наломанные ветки вспыхнули неярким зеленым пламенем, сжеживаясь и негромко потрескивая.

Близость леса, прячущегося за кругом света, неприятно тревожила, и, поужинав, Комин поторопился залезть в палатку. За ее тонкими стенками ему стало спокойнее, как будто он оказался на своей территории, не подвластной лесу. Посмеиваясь над этим чувством, он удобно устроился на мягком податливом полу. В неприкрытое клапаном входное отверстие палатки виднелись пляшущие огоньки догорающего костра. От ручья тянуло свежестью и прохладой. Слабый ветерок доносил незнакомые будоражащие запахи.

4.

...Скалы становились все круче. Он полз по ним, цепляясь, как муха, за гладкую поверхность. Вверху на вертикальной стене невероятным образом примостилось громадное четырехугольное сооружение, и он знал, что это и есть «Атлант», и отчаянно стремился добраться к нему, но сорвался и неудержимо, бесконечно скользил вниз, и оказался опять в фиолетовом лесу, увидел целехонький реаплан, кинулся к нему, но реаплан помутнел и растаял, а на его месте сидела огромная жаба и щерила широкую пасть в ехидной

усмешке.

Комин открыл глаза. В отверстие палатки лился призрачный голубоватый свет. Было жарко, душно, страшно хотелось пить. Он сел, нащупал в темноте ранец и вдруг, словно продолжение сна, услышал совсем рядом за стеной кто-то шумно дышал и ворчал низко и злобно.

Комин затаил дыхание, лихорадочно шаря рукой в поисках пистолета. Стыдный первобытный страх сжал его цепкими когтями, но, побежденный волей, схлынул, оставив после себя оглушающие удары сердца и липкие от пота ладони. Неведомый зверь, все так же рыча, медленно перемещался вокруг палатки. Комин ждал, наливаясь холодной яростью. Он злился сразу на все: на то, что привычная удача изменила ему, на свою самоуверенность, продиктовавшую ему поспешное решение, на проклятый лес, столько раз заставивший его испытать незнакомое ранее чувство страха... И когда бесформенная тень заслонила отверстие, и дыхание зверя наполнило палатку тяжелым смрадом, Комин с мстительной радостью, словно расплачиваясь за пережитое унижение, нажал гашетку. Ослепительные в темноте вспышки заставили его зажмуриться. С пронзительным воем зверь помчался прочь, где-то недалеко свалился в ручей, судя по всплеску, побился с минуту, все тише взреывая, и умолк.

Комин, прихватив пистолет и фонарь, преодолевая непонятную слабость, вылез наружу. Лес вновь изменился — в который уже раз. Кора деревьев голубовато мерцала, и в этом зыбком свете видна была лента ручья, перегороденная метрах в двадцати огромной тушей убитого зверя, и заросли кустов, и купол палатки, кощунственно инородный здесь. Но, глядя на феерический неправдоподобный лес, Комин ощущал лишь слабость, усиливающийся жар и глубокое безразличие к окружающему. Он понял, что все-таки заболел, и, забираясь в палатку, с мрачным юмором подумал, что этого ему

только и не хватало.

В палатке он достал аптечку, принял антибиотики и амидон — мощное тонизирующее средство, напился и лег, заложив руки за голову. Амидон подействовал быстро: силы возвращались, голова стала легкой и ясной, жар спал.

5.

Лес стал иным. Деревья помельчали. Болезненно изломанные стволы их были усеяны безобразными, как нарывы, наростами. Упругую траву сменил рыхлый мох. Под ногами, уходящими в него по щиколотку, слабо всхлипывала вода. Приходилось бесконечно петлять, обходя многочисленные глубокие овраги с обрывистыми низинами.

Комину было нехорошо. Его лихорадило. Иногда кружилась голова, серая пелена застилала глаза, ноги слабели и подгибались. То ли от недомогания, то ли от неумеренного потребления амидона тугой обруч боли сжимал голову, и во рту стоял горький, вызывающий обильную слюну вкус. Еще хуже было и то, что нарушилась привычная психическая устойчивость. Препятствия, удлинявшие путь, вызывали у него нарастающее раздражение. Что-то темное, жесткое, мутившее сознание, поднималось в нем. Наперекор разуму, вопреки полученному опыту, ему хотелось пойти напрямик — через кусты, овраги, озера, пренебрегая всеми опасностями — лишь бы скорее.

Временами на него нападала апатия, появлялось желание махнуть на все рукой, лечь, закрыть глаза, спрятаться в воспоминаниях, отыскать в них успокоение и отдых. Чувствуя силу этого желания и страшая ее, он начинал твердить себе, что должен, обязан идти — ради себя и ради друзей, ждущих его. Он уговаривал, умолял себя не поддаваться, через силу ускорял шаги. А вкрадчивый голос продолжал шептать, что нужно отдохнуть — прилечь и отдохнуть...

Окружающий мир сузился, ограничиваясь ближайшими кустами,

которые нужно было обогнуть, заболоченными участками, требовавшими осторожности. За пределами этого маленького мирка пестрой бесформенной громадой притаился Лес. Комин уже не различал деталей и воспринимал его, как огромное, злобное и хитрое существо, играющее с ним как кошка с мышью, и играющее бесчестно, потому что он был болен и слаб, а Лес пользовался этим и подсовывал все новые препятствия, и злорадно наблюдал, как человек, задыхаясь и скользя, карабкается по борту оврага или отчаянно барахтается в зловонной коричневой жиже болота. И все-таки Комин пробился вперед, спотыкаясь, падая, с трудом поднимаясь, всхлипывая от бессильной ненависти к могучему врагу...

Какая-то серая толстая, конвульсивно вздрагивающая труба преградила ему дорогу. Он остановился в нерешительности, тупо соображая, что такого он еще не встречал, что это новая хитрость Леса. Нужно было опять думать, что-то решать, а на это не было ни сил, ни желания. К тому же, прекратив постоянное, трудное, изматывающее движение, он сразу внутренне расслабился, обмяк, его неудержимо потянуло лечь. Собрав остатки воли, разрывая невидимые путы, он бросился вперед и вдруг упал от сильного толчка в грудь, а труба, изогнувшись, превратилась в кольцо, сжимающееся вокруг него. Явная опасность подстегнула Комина, и после секундного оцепенения он сорвал с пояса пистолет, выстрелил раз, другой, третий и, еще лежа, с радостью увидел, как разорвалось кольцо и истекающие рыжей кровью концы его поспешно расползли в стороны.

Путь был свободен, и он сам пробил себе дорогу. Веселая ярость охватила Комина. Нет, он совсем не бессилён, у него есть оружие, и он еще потягнется с Лесом. Лесу рано торжествовать. Пусть только попробует...

Сжимая пистолет, Комин шел напрямик, не разбирая дороги — туда, куда показывала зеленая стрелка

компаса. Его по-прежнему окружал враждебный Лес. Он следил за человеком множеством хищных глаз, шепотом переговаривался, готовя новую ловушку. Исподтишка подкрадывался сзади, легко шелестя мхом, и, отпрыгивая, исчезал, едва человек поворачивал голову. Но теперь Комин не боялся Леса. Угрожающе помахивая оружием, он оглядывал Лес, и тот отползал с трусливым и злобным ворчанием. Все же Лес подстерег человека. Привалившись к дереву, пережидая очередной приступ слабости, Комин услышал отчетливый шорох и, обернувшись, внезапно прояснившимся зрением увидел припавшее к земле черное мускулистое тело, сжавшееся для прыжка, по-лягушечьи сплюснутую голову, приоткрытую пасть с острыми треугольными зубами. Медленно поднимая пистолет, Комин качнулся навстречу немигающему звериному взгляду. Прыжок зверя совпал со вспышкой выстрела. Удар в плечо свалил Комина с ног. Раненый зверь, захлебываясь воем, полз к нему, волоча задние лапы. Комин тоже закричал хрипло и яростно и, приподнявшись, всадил в распахнутую зубастую пасть серию лучевых импульсов. И тотчас поднялся, озираясь, ожидая нового нападения. Но Лес не осмелился напасть. Устрашенный силой человека, он затаился и притих.

И опять Комин шел, раздвигая вязкий, как вода, воздух, спотыкаясь о подсунутые под ноги камни, проваливаясь в замаскированные ямы. Деревья тянули к нему мохнатые руки. Кусты цепко хватили хрупкими колючими пальцами. Вьющиеся стебли оплетали ноги. Фиолетовые вспышки слепили глаза. Но он шел, обжигая выстрелами сопротивляющийся Лес, упрямо шепча потрескавшимися губами: «Врешь, не остановишь, все равно дойду!»

Во всем мире не было ничего — только человек и Лес, сошедшиеся в смертельной схватке.

Становилось все темней, но время замерло, и нельзя было понять —

наступает ли вечер или слабнет зрение...

Вдруг громкий высокого тона звук проник в помутившееся сознание. И, подняв голову, Комин понял, что Лес не смирился с поражением: впереди, прикрываясь струящимся сумеречным туманом, его поджидали две темные неясные фигуры...

б.

Оружие дрожало в ослабевшей руке, и, чтобы не промахнуться, он лег, утвердив правый локоть в неглубокой ямке. В нем пробудился даже слабый интерес: какое же еще дьявольское порождение бросил Лес против него?

А враги не спешили. Им некуда было спешить. Плохо различимые в темноте, округлые и как будто горбатые, они стояли на месте, временами сливаясь с темным фоном, и если бы не издаваемые ими звуки, могло бы показаться, что их вообще нет.

Комин ждал, не смея оторвать взгляд от жутких фигур. А Лес уже подкрадывался сзади, неслышно переступая мягкими лапами, и оттого, что нельзя было обернуться, липкая паутина страха вновь опутывала Комина, торопила, подталкивала руку с пистолетом, и фигуры врагов качались и приплясывали на мушке.

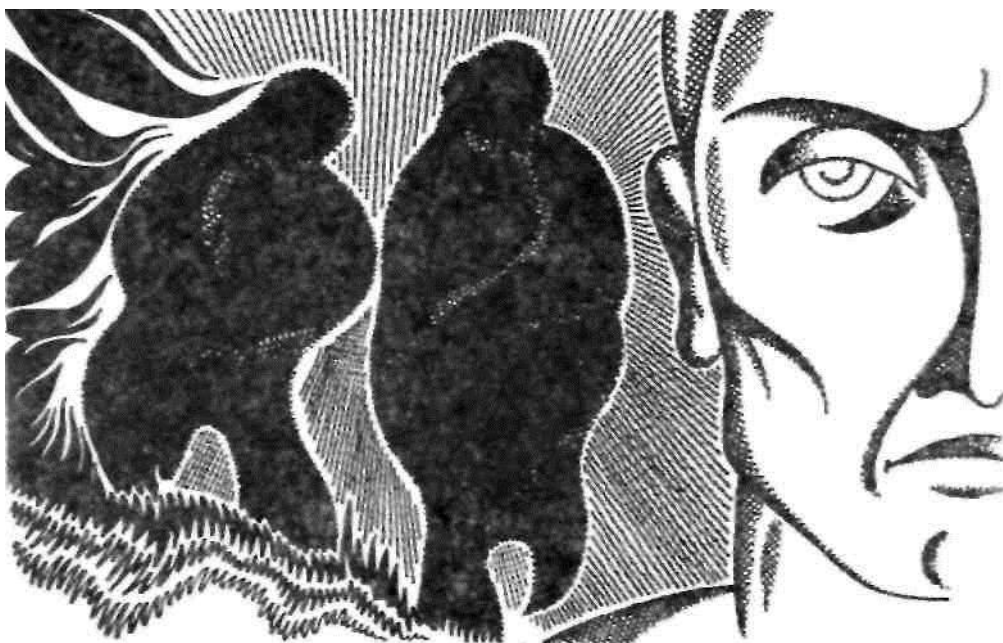
Но он не стрелял, хотя и понимал гибельность промедления. Станные мысли, неожиданные ассоциации рождались где-то в глубине его нарушенного сознания, он чувствовал крайнюю необходимость разобраться в этих мыслях, и разобраться сейчас же, немедленно, иначе можно было совершить непоправимую ошибку. Это чувство было очень сильным, сильнее даже ненависти и страха, и оно непреодолимо сковало лежащий на гашетке палец.

Ставшее нестерпимым ощущение подобравшегося вплотную, угрожающего нависшего над ним Леса страшно мешало ему, и, чтобы выигран, время, он рискнул на мгновение обернуться и посветить фонарем, заставив разбежаться лесную армию, и тут же, готовый ко всему, обратился к стоящим впереди врагам и немного успокоился, убедившись, что

они не двинулись с места. Напрягая зрение, он пытался рассмотреть их, но это никак не удавалось. У него рябило в глазах, и неясные тела то превращались в бесплотные тени, сквозь которые свободно текли струи тумана, то двоились и троились, становясь толпой темных призраков. Однако слух еще не

мировоззрение человека, неотделимые от него, ставшие инстинктом нравственные критерии — запрещают такое убийство; и чтобы перешагнуть этот запрет, требуются гораздо более побудительные причины, чем страх за свою жизнь...

Убить ИХ было нельзя. Но и погибнуть без борьбы, почти достигнув

отказал, он напряженно и внимательно фиксировал доносящиеся звуки. И чем дольше вслушивался Комин, тем яснее осознавал, что именно в них, этих звуках, кроется загадка. Они были похожи на звонкие голоса, полные своеобразной мелодичности, и все время менялись, переходя то в быстрый речитатив, то в медленный плавный говор. Постепенно Комин стал различать два голоса: один высокий, неприятно резкий, рассыпающийся скороговоркой, другой — ниже по тембру, мягче, медленнее, словно бы рассудительнее. И пока Комин завороченно вслушивался в переключку голосов, в нем зародилась, окрепла и, наконец, утвердилась ясная и невероятная мысль: это действительно был разговор. ОНИ были разумны!

Тупое безысходное отчаянье овладело им. Лес нашел-таки оружие, которым можно было победить человека. Он был умен и хитер, этот Лес, он, оказывается, знал, что человек не сможет убить разумное существо; что все

цели, Комин не мог. Надеясь напугать и перехитрить врагов, он несколько раз выстрелил вверх и стал отползать в сторону. Но темные фигуры тоже пришли в движение, начали приближаться, окружая его, громко и быстро переговариваясь. Комин понял, что не сможет уйти. Что-то надломилось в нем, силы иссякли, безвольно разжались пальцы, выронив пистолет.

У самого уха тяжело захрустела трава, и, уходя от нестерпимого ужаса, Комин провалился в спасительный мрак беспомощности...

...Он плыл в лодке по безбрежному морю. Волны легко плескались в борта, плавно покачивали лодку. Тусклое солнце светило то слева, то справа, то появлялось сразу несколько солнц, и все они были неяркими, бледными, словно размазанные туманом...

В черном небе мерцали, переливались бесчисленные звезды. Чистый прохладный воздух приятно охлаждал гортань. Тело удобно покоилось на чем-

то теплом и мягком. Бездумная легкость пробуждения мешала вспомнить что-то необходимое. Вспомнить и сделать. И вдруг как будто разорвалась непроницаемая завеса, и Комин вспомнил полет и аварию, и страшный лес. Мысли заметались, заторопились.

Нужно идти. Он ведь еще не дошел. А где же он? Где лес? Неужели он выбрался из леса? Как же это? Он был болен. И что-то случилось. Да, зверь. Напал зверь, и он убил его... Нет, было еще что-то. Что же?

Какие-то смутные, томящие, как полузабытый сон, воспоминания бродили в нем, но никак не удавалось собрать их воедино.

Он с тревогой прислушивался к себе, ища признаки болезни, и не находил их. Сознание, освободившееся ото сна, было ясным, и только небольшая слабость еще сковывала движения. Вокруг стояла прозрачная звонкая тишина, какая бывает только в горах. Он пошарил вокруг, отыскивая фонарь, наткнулся на толстый ворсистый материал, лежащий под ним, и с удивлением ощупал его, чувствуя, что все более запутывается в нагромождении необъяснимых фактов. Слабенькая, робкая догадка забрезжила в нем, и как ни была она невероятна, ее следовало обдумать. Комин зажег фонарь, достал из ранца и выпустил сигнальные ракеты, машинально следя за их полетом.

Догорающие ракеты красными искорками скользнули вниз, но темнота не успела сомкнуться: яркий конус света вырвался откуда-то сверху, описал широкую дугу, выхватывая из тьмы пологие холмы, скальные выступы, нагромождения камней. Он приблизился, уперся в Комина слепящим глазом, моргнул и погас. И тотчас вспыхнула гирлянда огней, очерчивая до боли знакомый пирамидальный силуэт.

И когда реаплан опустился в десятке метров от него, смолк шум двигателей, Ярцев полез из кабины, крича во все горло: «Сенька, друг! Живой!» — Комин сквозь набегающие слезы счастья отчетливо, словно наяву,

увидел вдруг темные страшные фигуры, дрожащие на мушке пистолета...